

Михаил ШВЫДКОЙ

Родился в 1948 году в городе Кант в Киргизии. Окончил ГИТИС. Доктор искусствоведения, профессор МГУ и российской академии театрального искусства (ГИТИС). Ведущий ряда телепрограмм. Работал генеральным директором Редакционно-издательского комплекса «Культура»; председателем ВГТРК; министром культуры РФ; руководил Федеральным агентством по культуре и кинематографии. Автор идеи и либретто (совместно с Алексеем Кортневым) мюзикла «Времена не выбирают» и книг «Драматургия, театр, жизнь», «Секреты одиноких комедиантов». Лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, других премий. Специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству, посол по особым поручениям МИД России. Живёт в Москве.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Не припомню во всех деталях, по какой причине я оказался тамадой на шумном застолье, посвященном 80-летию Бориса Львовича Васильева. Скорее всего Сергей Александрович Филатов, в первые годы президентства Б. Н. Ельцина возглавлявший его администрацию, передал мне просьбу писателя, как бы определил меня на эту роль, и его поддержал Сергей Николаевич Красавченко, который был советником Ельцина в пору, когда мы создавали телеканал «Культура». Сам бы я никогда не посмел не то что бы вести праздничный стол Б. Васильева, - уверен, что не рискнул бы пойти к нему на этот день рождения.

Не потому, что мы не были знакомы, - я познакомился с ним еще в начале 70-х, на одном из первых спектаклей «А зори здесь

тихие.» в театре на Таганке, - но он был знаменитым уже писателем, а я - начинающим театральным критиком. Только потом узнал, что его отец был белым офицером, после революции всю жизнь прослужившим в Красной, а затем и в Советской армии, но и без этого знания чувствовалось в Борисе Львовиче военное дворянское происхождение. Как говорили прежде, в нем была военная косточка. Не знаю, что самому Васильеву, девятиклассником ушедшему добровольцем в 1941 на фронт, дала в мирные годы служба в армии, - но известно, что он уволился оттуда в середине пятидесятых в чине капитана, решив заняться непростым ремеслом кинодраматурга. Армейская выправка отличала его от других людей в кинематографической и театральной среде, - в том числе, и от тех, кто прошел войну. Даже во времена головокружительной известности он был достаточно закрытым, словно застегнутым на все пуговицы, - при этом мог появиться на публике в рубашке с распахнутым воротом. Но в этой, не предполагающей богемного панибратства отчужденности, не было ни капли застенчивости или робости, просто он держался с тем достоинством, которое не предполагает короткой близости с мало знакомыми или просто знакомыми людьми. Поскольку я принадлежал именно к этому кругу, то между нами не было никаких, что называется, судьбоносных разговоров. Порой я звонил ему, когда работал в журнале «Театр», - с просьбой написать что-то по случаю, или, добываясь его интервью, на которое отправлялся молодой корреспондент. Но его умение не подпускать посторонних в свой внутренний мир всегда торжествовало, - я уважал подобную позицию и не стремился сделать дистанцию в наших отношениях более короткой.

Для того, чтобы узнать его ближе, мне хватало его книг, которые часто становились фильмами или спектаклями. Только naive люди полагают, что писатель выражает в своих сочинениях свою самую сокровенную суть. И только совсем уж naive думают, что он этого не старается делать. Сентиментализм Васильева пробивался сквозь эпические ритмы его прозы. Он пробивался в деталях, которые щемили душу своей рефлексией по ушедшему быту. Этот сентиментализм пронизывал порой всё повествование, как в «Зорях.», где свойства античной трагедии, ярче всего выявленные в спектакле Юрия Любимова, тем не менее, не отменяли

трогательности человеческих отношений в бесчеловечных обстоятельствах. Метафорический пафос, большие и очищенные от быта линии театрального повествования контрастировали с подробностями бытия, которые были далеки от античной геометрии.

Довольно часто, быть может, даже несправедливо часто, прозу Б.Васильева истолковывали, прежде всего как публицистическую. И, правда, упомянутые уже «Зори.», «Не стреляйте белых лебедей», «Вы чье, старичье?» и другие его произведения порой становились предметом широкого обсуждения той или иной важной для советского общества проблемы (в СССР все же была общественная жизнь, пусть в странно искаженном, задавленном партийной цензурой виде, но была). И обсуждения эти могли уходить весьма далеко от того литературного сочинения, которое эту дискуссию породило.

Михаил Швыдкой на 80-летию Бориса Васильева

Но счастливый творческий дар, умение расслышать, почувствовать в роевой, как бы написал Л.Н. Толстой, жизни народа реальные болевые точки, вовсе не превращало его в пламенного публициста. Он выражал любую проблему в той вязи отношений, мелких поступков, случайных, казалось, слов, из которых по существу и складываются большие линии истории. Васильев был чуток к интонации, к корявой музыке речи, принадлежавшей людям, далеким от изящной словесности, но выразившим свои мысли отчетливо и почти афористично. В этой словесной неправильности, которая присуща большинству живущих на свете людей, особенно в странах, гордящихся всеобщей грамотностью, Васильев как настоящий большой писатель разгадывал подлинность протекающей жизни в ее высших и низменных проявлениях.

Прошу понять, - пишу всё это только по одной причине. К моменту нашей первой - и последней - застольной встречи, я как мог, так и понимал, что в душе этого закрытого от посторонних человека бушуют страсти настоящего творца, которые предопределили его путь в жизни. Они не разрушили, но укрепили его врожденные чувства чести и достоинства, которые позволили ему незапятнанным пройти все испытания и искушения советской жизни.

Если бы вы знали, как легко быть тамадой на застолье в честь 80-летия такого человека. Спасибо, Борис Львович!